

Исполняется 75 лет актеру Московского Художественного театра, Герою Социалистического Труда, народному

артисту СССР, лауреату Государственных премий СССР Алексею Николаевичу ГРИБОВУ, плодотворная театральная деятельность которого

отмечена также орденом Ленина и двумя орденами Трудового Красного Знамени. Наш корреспондент встретился с юбиляром.

ском Художественном театре отнюдь не было громким. Дебютировал в роли Михайлы Головина в спектакле «Царь Федор Иоаннович», а потом не один год лихо отплясывал вместе с взбунтовавшимися яицкими казаками в «Пугачевщине» К. Тренева, изображал пьющего в трактире разбитного беспризорника в «Растратчиках» В. Катаева, проходил безмолвной фигурой на балу у Фамусова... Всех ролей и не упомнишь... Постепенно стали доверять мне не только «вторые» роли, но и центральные, главные.

— Алексей Николаевич, вы были одним из первых советских актеров, воплотивших образ Владимира Ильича Ленина в спектакле «Кремлевские куранты» Н. Погодина... С какими мыслями вы приступали к работе над этой ролью?

— Прежде всего я не решился копировать внешний портрет Ленина (его жест, походку, своеобразие речи), а по-

А. Н. Грибов: «ЛЮБИМАЯ ПЕСНЯ — ЖИЗНЬ!»

— Прежде всего, Алексей Николаевич, разрешите от имени всех читателей «Московского комсомольца» поздравить вас с семидесятилетием и пожелать вам всего самого лучшего: здоровья, счастья, радости.

— Большое спасибо. В эти дни я получаю очень много поздравлений, писем и телеграмм из самых разных уголков Советского Союза. Поздравления и теплые слова московской молодежи и ее печатного органа для меня очень приятны.

— Алексей Николаевич, расскажите, пожалуйста, когда произошло ваше первое знакомство с искусством драмы?

— Я хорошо запомнил тот день поздней осени сурового 1919 года. Было мне семнадцать лет...

Как обычно, вечером, мы, молодые заводские, фабричные ребята, занимались в школе-клубе Замоскворецкого района. В нашей небольшой классной комнате было холодно, сидели за партами плотно, плечом к плечу, не раздеваясь — в пальто, ватниках. И вот на последнем уроке зашел к нам заведующий школой — прекрасный педагог и воспитатель Вячеслав Валерианович Барановский. В руке он держал небольшую книжку.

«Мы будем создавать драматический кружок, — обратился он к нам. — Попробуем поставить пьесу Островского «Бедность не порок». А сейчас мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь из вас прочел немного из пьесы. Кто хочет?»

Я сидел за последней партой и видел, как никто из моих товарищей не отваживается выйти на середину класса. Тогда поднялся я и сказал: «Можно мне попробовать?..»

— Значит, ваша актерская деятельность началась с дебюта в пьесе А. Островского!

— Нет, пьеса «Бедность не порок» — не помню уж почему — так и не была поставлена на нашей крохотной клубной сцене. Моим дебютом стала роль отца из «Предложения» А. П. Чехова. Представляете: я, еще по сути дела мальчишка, должен был изображать почтенного отца семейства... Это получилось довольно смешно и, как говорили мне друзья, «мило, очаровательно».

Затем последовал Кочкарев в «Женитьбе», Городничий в «Ревизоре», Рыцарь в «Скупом рыцаре». Вот такие мне давали роли. О них театроведы обычно не упоминают, наверное, забыли, но эти персонажи дороги мне; по сей день я с каким-то трогательным волнением вспоминаю о своих первых робких несовершенных сценических опытах.

Поступив в драматический кружок, я и не предполагал, что сцена станет моим призванием. Но школа воспитала во мне страстную любовь и высокое уважение к актерскому делу. Мы сами ставили тогда спектакли, сами играли и сами же занимались монтажными, декоративными, костюмерными работами.

— Когда вы почувствовали, что рамки клубной сцены стали тесны для вас?

— Три года я с удовольствием и энтузиазмом, свойственным молодости, занимался в драматическом кружке. А потом мне очень-очень захотелось совершенствовать свои актерские задатки.

В 1921 году я поступил в Драматическую студию имени М. Горького. Но пробыл в этой студии недолго. Тамашние художественные руководители сразу же поручили мне готовить несколько ролей к следующему театральному сезону. Я же пришел в студию не играть роли, а учиться их играть, учиться сложному искусству сценической правды. Поэтому и ушел я отсюда с намерением поступить в театральную школу, занятия в которой дали бы мне теоретический багаж и техническую оснащенность. Без этого не мыслил себе выступления на сцене.

Такой школой оказалась студия Е. Б. Вахтангова, куда я поступил в 1922 году. Спустя два года я выступил в спектакле «Битва жизни» по Ч. Диккенсу, где сыграл комедийную роль адвоката Крэга, заслужив теплый отзыв Немировича-Данченко.

Памятной датой в моей жизни явилась 1924 год, когда меня приняли сразу на третий курс школы МХАТа. Этот год и считаю началом своей непосредственной артистической деятельности. Я распрощался с шрлоткал фабрики, на которой работал восемь лет, и целиком посвятил себя работе в театре.

— Вам помогали ветераны театра — первое поколение МХАТа?

— В основном помогать себе надо было самому, учиться самому. Чутко прислушивался я к советам и указаниям К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, внимательно следил за репетициями и игрой в спектаклях таких корифеев сцены, как И. Москвин, В. Качалов, Л. Леонидов, О. Книппер-Чехова, М. Тарханов.

Первое мое десятилетие в Москов-

старался как можно глубже и вернее проникнуть в его внутренний мир.

Стремясь показать кипучую энергию и темперамент Ленина, раскрыть непрерывное горение его мысли, я начинал с постижения духовного зерна ленинской личности. В исполнении этой сложной роли шел собственным путем, выделяя черту, доминирующую в сценическом характере великого и вместе с тем такого необыкновенно простого и близкого сердцу каждого из нас человека. Для меня Ленин — мыслитель, мечтатель, провидец будущего, живой человек.

В «Кремлевских курантах» я сыграл четыреста раз и столько же выступал с отрывками из этой пьесы в концертах.

— Когда вы начали сниматься в кино? Какие трудности подстерегали вас, театральное актера, на первых порах в кино?

— Начало моей работы в кино относится к 1935 году, когда я сыграл в фильме «Горячие денечки» роль командира танкового батальона Горбунова.

Слабость драматургического материала не давала мне возможности создать глубокий, полнокровный образ, а специфика игры перед съемочной камерой стесняла и сковывала меня. Все-таки привлек к непосредственному общению со зрителями. Кроме того, определенные трудности доставляла логическая непоследовательность развития образа: ведь съемки подчас начинают не с первого кадра...

— Тогда, наверное, следующая роль принесла удовлетворение!

— Работа над второй ролью была несколько необычной. Я приехал летом 1938 года отдыхать в Туапсе и о съемках, конечно, не помышлял. Но меня увидели и узнали режиссеры, снимавшие фильм «Поезд идет на Москву», и предложили сыграть небольшую роль машиниста.

Согласился. Меня наскоро ознакомили с управлением паровоза, чтобы я более «профессионально» действовал в кабине локомотива, и начались съемки, продолжавшиеся всего неделю.

И эта несложная роль также не принесла мне творческого удовлетворения.

— А все-таки какой своей ролью до сих пор довольны?

— Ролью старого тренера конного завода Константина Сергеевича Воронова, которую я исполнил в фильме «Смелые люди».

Когда я начал работать над этим образом, то представил себе человека обыкновенного, ничем не примечательного. Мне рисовался характер совсем не героический. Это рядовой советский человек, который в сложных обстоятельствах просто выполняет свой патриотический долг.

Создать образ старого коневода мне помогло, в частности, то обстоятельство, что я сам очень любил лошадей и одно время даже участвовал в бегах как ездок-любитель. И вот, когда я оделся в костюм Воронова, я снова почувствовал себя наездником, ясно увидел внешний облик своего героя, почувствовал его манеры, ощутил его характер... Эта роль дорога. Роль Шмаги в «Без вины виноватых» дорога.

— Ваш любимый драматург!

— Хороших драматургов много. Островского люблю, Горького, Леоноза, Катаева. К самым любимым моим драматургам по праву принадлежит Антон Павлович Чехов. Вот человек, про которого можно сказать: он писал жизнь.

Слава Чехова продолжает расти. Почему же он столь дорог нашей современности? Он дорог нам своей человечностью, пронизывающей все его творчество и его личность. И он дорог нам своим глубоким сознанием того, что прекрасное может и должно быть создано только трудом.

Человек и труд — вот созидательная основа нашей современности. Человек и труд — вот творческий девиз Чехова. Поэтому Чехов неотделим от современности. Он был, есть и будет с нами.

— Когда рассматриваешь ваш творческий путь, невольно бросается в глаза необыкновенное разнообразие вашего репертуара. Кажется, для вас не существует жанровых преград, вам доступны все роли — и комедийные, и драматические, и бытовые, и гротескно-драматические.

— Я люблю поиск нового — все то, что идет от искусства, а не подменяет его. Боюсь плохих пьес!

Я хочу искусства глубокого, человеческого, доброго и светлого. Хочу горячих мыслей, которые заставят бы думать зрителя.

— И в заключение вопрос, немного выбивающийся из рамок нашего интервью... Ваша любимая песня?

— Жизнь!

Беседу вел С. ИВАНОВ.